

Когда вчера он выходил из больницы, доктор аккуратно придержал его за плечо и предложил обменяться номерами. Отпустить Юй Тяо вот так просто врач не смог — душа была не на месте. Всё равно что пройти мимо уличного котёнка: тот угодил в беду, сам даже не понимает, что ранен, и пытается уползти. Разве у кого-то поднимется рука бросить такого без помощи?

На душе у Юй Тяо было муторно, грудь сжимала едкая, подступающая к горлу горечь. И чем сильнее тянуло в груди, тем невыносимее зудела железа на загривке. Он достал телефон и открыл чат. В строке контакта значилось короткое имя: Хэ Люмин.

«Доктор Хэ, железа чешется всё чаще. Особенно когда мне становится паршиво на душе. Может, мне просто не стоит ни о чём думать? Живут же люди сегодняшним днём, ничего ни от кого не требуя... Может, и мне так нужно?»

На ответ Юй Тяо не рассчитывал — ему просто нужен был укромный уголок, тихая гавань, куда можно выплеснуть тоску. Он подошёл к окну, подставив лицо прохладному осеннему ветру. Горечь внутри не утихала, расплываясь, будто капля чернил в прозрачной воде: ты видишь, как тёмные извилистые змейки расползаются во все стороны, но не в силах это остановить, и остаётся лишь наблюдать, как яд въедается в каждую жилку, растекается по всему телу.

Телефон в ладони коротко вибрировал. Это был не Хэ Люмин.

«Срочно нужно сто тысяч. Прямо сейчас.»

«Иначе эти коллекторы меня до смерти забьют.»

Сообщение пришло с незаписанного номера, но Юй Тяо знал эти цифры наизусть. Они преследовали его со времён окончания школы.

Раньше, видя подобные строчки, он впадал в панику, испытывал лихорадочную тревогу, судорожно соображая, как выпутаться на этот раз. Сегодня же... сегодня он почувствовал нечто похожее на облегчение.

Юй Тяо радовался тому, что этот ненавистный номер отвлёл его от разъедающей душу тоски. Всё равно ответа на свои терзания он бы не нашёл.

Отвечать сразу он не стал — знал, что у вымогателя припасён целый арсенал отработанных уловок, чтобы сломать его волю.

«Не хочешь давать — не надо.»

«Пойду к предкам. Ты же продался, чтобы им пару миллионов отвалили? Если не отдадут добром — заберу силой. Свои же родители, не станут же они на меня в полицию заявлять!»

Порыв ветра растрепал пряди на его лбу, то приподнимая их, то бросая на лицо подвижные, изменчивые тени. В лунном свете, трепетавшем на ресницах, сквозила тихая, затаённая печаль.

Сколько раз Юй Тяо порывался заблокировать этот номер, разбить телефон вдребезги, выскочить из поместья семьи Лу и бежать куда глаза глядят — без вещей, без гроша в кармане! Бежать, пока не упадет без сил, а там будь что будет — пусть хоть помрёт. Но он не мог.

Каждый раз, когда в голове возникали подобные мысли, перед глазами Юй Тяо вставал тот самый вечер.

Ветер тогда был прохладнее — стоял март или апрель, пора буйного цветения сакуры. Нежно-розовые лепестки кружились в воздухе, словно невесомая вуаль. Ветви шумели под порывами ветра, заполняя всё вокруг шуршанием, а потом суета вдруг улеглась. Высокий юноша подошёл к сакуре, и на его плечи дождём осыпались лепестки. Он аккуратно вставил наушник в правое ухо Юй Тяо.

— Если память мне не изменяет, в общежитии уже дали отбой, студент Юй.

Юй Тяо опешил:

— Но ты ведь тоже здесь.

Юноша поднял руку, небрежно держа двумя пальцами шнурок от бейджа студенческого совета. Тот слегка качался, и сквозь мутное оргстекло Юй Тяо разглядел едва заметную усмешку на его губах:

— А у меня сегодня дежурство.

У Юй Тяо был удивительный взгляд — стоит ему лишь опустить голову и чуть прищурить уголки глаз, как он тут же вызывал невольную жалость.

— Я сейчас же вернусь, — тихо пробормотал он. — Надеюсь, ты сделаешь исключение и не станешь меня наказывать.

— Да куда ты побежал? Подойди, — юноша подхватил его за запястье и внимательно осмотрел руки. — Хм, отлично. Синяков нет, бережёшь себя. Зачем пришёл сюда один? Днём тебя кто-то обидел?

— Нет, — ответил Юй Тяо. В его понимании «обидеть» означало избить, а колкие слова и насмешки он в расчёт не брал. — Просто думал о том, когда смогу наконец отсюда вырваться.

— Поступишь в университет — и вырвешься, — отозвался юноша.

— А когда ты в следующем году сдашь экзамены, тоже уедешь?

Юноша протяжно угукнул. Оперевшись ладонями о землю, так что кончики пальцев побелели, он запрокинул голову, разглядывая луну:

— Пожалуй. А дальше... закончу университет, послушаюсь родителей, найду омегу, женюсь, пойду на работу. Самая обычная, ничем не примечательная жизнь... Кстати, а ты какого партнёра себе ищешь?

Никто и никогда не говорил Юй Тяо о любви, поэтому мысли о поиске пары казались ему чем-то бесконечно далёким и нереальным. Когда у других детей родители переживали из-за ранних романов, будь они у Юй Тяо, они бы, наверное, ломали голову над тем, сможет ли их сын вообще хоть кого-то полюбить. Но он, очевидно, сместил акценты в разговоре и спросил:

— Это ты-то обычный? Если так, то я вообще крыса из сточной канавы. Мусор из подворотни.

Юноша повернул голову. Его взгляд внезапно стал строгим, а тёмные зрачки будто слились с ночной тьмой, хотя слова прозвучали очень мягко:

— Я заметил, ты ужасно любишь принижать себя, чтобы возвысить других. Кто тебя этому научил? Твоя жизнь наверняка сложится куда ярче и интереснее моей.

— Ярче? Это как? — спросил Юй Тяо.

— Ну... просто будь немного свободнее. Не обязательно вечно притворяться «хорошим мальчиком». Живи так, как нравится тебе самому, делай то, что приносит радость, — и ты уже будешь счастливее большинства. Но и слишком гнаться за свободой тоже не стоит. Чем сильнее ты к ней рвёшься, тем очевиднее, как крепко тебя связывают обстоятельства. Надеюсь, когда ты в следующий раз оглянешься назад, окажется, что ты уже давно паришь высоко в небе.

Лист тополя, слетевший с ветки за окном, коснулся переносицы Юй Тяо. И в тот же миг образ юноши, кружащиеся лепестки сакуры и одинокая луна в вышине развеялись, унесённые порывом ветра.

Юй Тяо долго заворожённо смотрел перед собой, пока взгляд постепенно не обрёл чёткость, оседая на знакомой обстановке дома Лу.

— Кажется, я тебя подвёл, — прошептал он сухим, сиплым голосом. — У меня теперь даже права бороться за свободу нет.

Телефон снова назойливо запищал, осыпая сообщениями, словно неумолимый вестник смерти:

«Я знаю, что ты читаешь, тварь.»

«Не дашь денег, да? Ладно! Я прямо сейчас пойду к предкам и выложу, откуда на самом деле взялись бабки на их спасение!»

Слеза упала на стекло экрана, расплывшись прозрачной каплей и увеличив несколько символов.

Юй Тяо смахнул с глаз влагу тыльной стороной ладони, открыл заметки, скопировал сохранённый реквизит карты и перевёл всю сумму. После чего без колебаний удалил всю переписку.

Из-за долгого голодания в желудке подступила тошнотворная кислота. Юй Тяо скрутило от внезапного позыва к рвоте. Из-за резкого падения сахара в крови перед глазами заплясали слепящие мушки; он судорожно зажмурился, а когда снова разомкнул веки, зрение так и не прояснилось.

Дворецкий поспешно спустился со второго этажа и подошёл к Лу Куаньдуну. Он доложил, что стучал в дверь, но никто не откликнулся, и высказал опасение, как бы чего не случилось — не лучше ли молодому господину самому подняться и проверить?

Лу Куаньдун протянул руку, принимая у подскочившего слуги влажную салфетку, и равнодушно бросил:

— Что с ним может стать в собственной комнате? Заснул, наверное. Нечего к нему приставать.

Дворецкий едва удержался, чтобы не сказать лишнего, но вовремя прикусил язык и мягко перефразировал:

— Слышны были шумы... показалось, будто кто-то упал.

Вытерев губы, Лу Куаньдун одарил его холодным взглядом:

— Упал — пусть встанет. Или у него ног нет?

Дворецкий лишь промолчал, не найдя, что возразить.

Хань Юйин сделал глоток красного вина и мрачно заметил:

— И зачем ты только женился? Развёлся бы уже, дал парню шанс найти кого-то получше.

Лу Куаньдун смерил его колким взглядом, а затем поднялся из-за стола:

— Не твоё дело.

Аппетит был окончательно испорчен. Хань Юйин тоже встал:

— Что ж, тогда я пойду. В твоём обществе только желчь копить — на любое слово огрызаешься.

— Юйин, — Лу Куаньдун привык говорить с ним без экивоков: всё-таки выросли вместе, и он видел друга насквозь. — Если тебе так приспичило, я найду тебе хоть сотню омег, похожих на Юй Тяо. Но этот — табу. Вот когда сам сможешь распоряжаться собственной женитьбой, тогда и будешь читать мне морали, — Лу Куаньдун ядовито ухмыльнулся, а затем повернулся к Хань Ло: — Лоло, извини за неважный приём. На твой день рождения обязательно приду вовремя.

Едва Лу Куаньдун скрылся на лестнице, Хань Ло принялся поддевать брата:

— Надо же, ты как в старшей школе не мог его переспорить, так и сейчас продуваешь.

— Ещё и смеешься, мелкий пакостник? — наигранно свирепо буркнул Хань Юйин. — Предупреждаю: даже не думай искать себе альфу вроде него.

— Я...

— И уж тем более забудь про того типа из семьи Дуань! Ты что, согнать меня в могилу решил?

Хань Ло задумчиво ковырял вилкой еду в тарелке. Оперев подбородок о ладонь, он как бы невзначай поинтересовался:

— А что в них плохого? Они ведь сейчас нормально ладят. Куда лучше, чем раньше.

— С чего это тебя вдруг так заинтересовали дела Куаньдуна? — Хань Юйин подозрительно сузил глаза.

Хань Ло смущённо отвёл взгляд:

— Просто спросил, что такого.

— Должно быть, Лу Вань дышит ему в затылок. Бракосочетание Куаньдуна и Юй Тяо — чистое прикрытие. В будущем он сто процентов разведётся и найдёт себе выгодную омегу из влиятельного рода, а сейчас просто затаился и не отвечает, — недоговорив всей правды, Хань Юйин сменил тему: — Слушай, а Куаньдун часом на тебя не заглядывается?

Хань Ло вскинул на него глаза:

— Заглядывался бы — не женился бы на Юй Тяо. Не смей меня, брат.

— И то верно... Короче, поменьше шлейся к нему в гости. Куаньдун — человек женатый, перестань донимать его, ладно?

Хань Юйин видел младшего насквозь. С избалованным с детства братом спорить было бесполезно: тот привык получать всё и сразу. Пока он никого не трогал, всё было нормально. Но стоило ему положить на кого-то глаз — пиши пропало. В представлении Хань Ло, если ты кому-то понравился, ты не имеешь права даже смотреть на других. Даже если сам Хань Ло к тебе охладеет.

Хорошо, если чувства оказывались взаимными. Но если дело доходило до безответной влюблённости с его стороны, Хань Юйин даже не знал, кому сочувствовать больше — бедняге-объекту или самому капризному брату. А родители, как на грех, души в нём не чаяли и потакали любой прихоти.

Хань Ло пожал плечами и ехидно прошёлся:

— Ну разумеется, братец. Куаньдун же женат. Вот и ты бы тоже перестал сохнуть по чужому мужу.

Хань Юйин только зубами скрипнул, так и не найдя, что ответить.

<http://bllate.org/book/20424/2130944>